

ГЛАВА 8

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ МУЛТАНСКОГО ДЕЛА В УДМУРТИИ

*Алексей ШЕПТАЛИН,
канд. исторических наук,
доцент кафедры этнологии и
регионоведения Удмуртского
гос. университета*

«Дело по обвинению крестьян-вотяков д. Старый Мултан» (1892-1896 гг.) более известное как «Мултанское дело» представляет собой инспирированное местными полицейско-судебными властями уголовное дело по обвинению 10 крестьян-удмуртов в ритуальном убийстве с целью человеческого жертвоприношения языческим богам. Наряду с известным «делом Бейлиса»¹ оно получило широкий общественно-политический резонанс в России и за рубежом и является, пожалуй, одним из наиболее громких дел, развязанных против «инородцев» в конце XIX в. – начале XX в. Исследователи неоднократно отмечали внешнее сходство этих процессов, способствовавших разжиганию межнациональной розни и проходивших со множеством не выдерживающих никакой критики нарушений².

В самом общем виде суть дела такова: 5 мая 1892 г. недалеко от удмуртского села Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии был найден обезглавленный труп нищего русского крестьянина. С самого начала следствие стало рассматривать в качестве основной версии ритуальное убийство, основанием для чего послужили сведения о тайном сохранении среди официально крещеных мултанцев языческих

верований, о проведении общественных молений с жертвоприношениями домашних животных и птиц. Не сомневаясь в исходе дела, следователи при сборе доказательств проигнорировали многие процессуальные нормы, откровенно сфабриковав против «инородцев»-удмуртов уголовное дело, практически полностью основанное на слухах и домыслах. Дважды (в декабре 1894 г. и в сентябре-октябре 1895 г.) Сарапульский окружной суд выносил семерым удмуртам обвинительные приговоры (трое были оправданы), но оба раза после кассационных жалоб защитника кассационный департамент Сената, учитывая многочисленные нарушения в ходе следствия и суда, отменял их. Третье разбирательство дела окончилось судом (в мае-июне 1896 г.), признавшим подсудимых невиновными.

Мултанское дело в российской и мировой практике является одним из первых уголовных процессов, имевших ярко выраженную этнокультурную окраску, на которых была привлечена научно-этнографическая экспертиза. Объектно-предметная область исследования материалов дела лежит на стыке юриспруденции, этнологии, религиоведения, истории, этнопсихологии и фольклористики. По этому вопросу имеется обширнейшая историография³. Как отмечает известный удмуртский этнограф В.Е.Владыкин, «кажется, ни до, ни после об удмуртах и их религии так много не писали, только российские газеты и журналы опубликовали более 220 статей, отклики на Мултанское дело появились в прессе Лондона и Парижа. Удмуртская религия оказалась в центре мирового общественного внимания...»⁴ Помимо многочисленных статей и заметок в дореволюционный период было опубликовано несколько монографий⁵.

В советский период мултанская тема получила новое развитие в многочисленных работах, их авторы – преимущественно писатели, историки, журналисты и этнографы – зачастую излишне эмоционально и односторонне обвиняли «проклятое самодержавие» в разжигании межнациональной розни. Практически никто не провел беспристрастный анализ юридической стороны дела и не рассматривал механизм проведения этнографической экспертизы. Более того, до настоящего времени материалы дела практически не публиковались – печатались лишь выдержки из некоторых документов. Разговоров о деле столетней давности много и сегодня, а ясности в общественном сознании нет до сих пор – бытуют многочисленные слухи, легенды и предания, вплоть до

самых невероятных, затрагивающих вопросы человеческих жертвоприношений и ритуального каннибализма.

Говоря об историографии вопроса, следует отметить, что зарубежные исследователи до последнего времени практически не удостоивали Мултанское дело своим вниманием. Это касается как работ, посвященных истории России конца XIX – начала XX вв., так и рассматривающих религиозные и межнациональные отношения этого периода⁶. В советские годы это было связано, вероятнее всего, с закрытостью материалов уголовного дела для иностранцев, но даже и сейчас, в последних работах, затрагивающих вопросы религии у инородцев Волжско-Камского региона, мултанская тема звучит не всегда⁷. Возможно, это объясняется тем, что зарубежные исследователи в меньшей степени склонны связывать мултанский процесс с широкомасштабной русификаторской политикой, проводившейся с 70-е годы IX в.

Из известных автору работ, касающихся мултанской темы, необходимо отметить вышедшую в свет в 2001 г. монографию Роберта Гераци «Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia». Отдельная глава этой книги посвящена одному из аспектов Мултанского дела – этнографической экспертизе участвовавшего в процессе профессора Казанского университета И.Н.Смирнова. Автор отметил множественность гипотетических оснований возникновения дела, заострив внимание на усилении русификаторской имперской политики. Завершая анализ теоретических основ этнографической экспертизы Смирнова, Р.Гераци отметил, что «...неверная интерпретация и злоупотребление идеями и методами эволюционизма, а также отнесение им вотяков к пожизненным дикарям были его способами заверения русских в их вечной избранности»⁸.

Следует также упомянуть монографию Андреаса Каппелера «Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад», несколько строк в которой посвящены мултанским событиям: «Российская политика по отношению к народам Волго-Уральского региона не исчерпывалась вопросами миссионерской деятельности и образования, однако в большинстве других областей она не подвергалась существенным изменениям. Однако и здесь во второй половине XIX в. усилились ассимиляторские тенденции и европоцентристские предрассудки. Это выразилось и в требовании «полного слияния» крещеных народов среднего Поволжья с «доминирующей народностью» на благо

«христианской Церкви и цивилизации», и в случае с десятью удмуртами, которых в 1892 г. обвинили в совершении языческого обряда человеческого жертвоприношения. Семь из них в 1894 г. были признаны виновными в совершении ритуального убийства и приговорены к каторжным работам, и только развернутая писателем В.Г.Короленко широкая кампания в российской печати привела к пересмотру их дела и оправданию их в 1896 г.»⁹

Приведенная выдержка в общих чертах характеризует позицию большинства отечественных исследователей, писавших о Мултанском деле в советский период. Подобное мнение доминирует в российской науке и сегодня¹⁰, однако в газетах Удмуртской Республики была озвучена иная гипотеза, согласно которой это было простое уголовное дело, раздутое в советские годы для обвинения царизма во всевозможных грехах¹¹. К сожалению, в последнее десятилетие в связи с возрождением удмуртских традиционных верований появился ряд газетных публикаций, в которых высказывается сомнение в правомерности оправдательного приговора, что отравляет общественное сознание ядом ксенофобии¹². Несколько лет назад на историческом факультете Удмуртского государственного университета была защищена дипломная работа (вскоре она таинственно исчезла), подвергнувшая ревизии основные итоги уголовного процесса. Все это вызывает ответную справедливую, но не всегда адекватную реакцию представителей удмуртской интеллигенции, стремящихся к окончательной реабилитации удмуртского народа¹³. Основным поводом для муссирования мултанской темы является анализ научных работ участвовавшего на стороне защиты в качестве эксперта-этнографа во втором и третьем судебных разбирательствах Г.Е.Верещагина, опубликовавшего в 1907 г. и 1911 г. статьи «О былом каннибализме у инородцев» и «Человеческие жертвоприношения вотяков»¹⁴. В этих публикациях, основанных на слухах, автор в значительной мере опровергает собственную экспертизу по делу, заявляя, что у удмуртов едва ли не до самого последнего времени (70-е годы XIX в.) сохранялся обычай принесения человеческой жертвы.

Актуальность данной работы обусловлена исторически сложившимися непростыми межнациональными отношениями в Удмуртии¹⁵. Сегодня в связи с развитием так называемых процессов мобилизации этничности и языческого ренессанса наметилось новое обострение межэтнических и межконфессиональных противоречий, в результате чего

снова возникли кривотолки вокруг Мултанского дела, с правовой точки зрения до сих пор недостаточно изученного.

Несомненно, тщательное исследование этнографической стороны дела сыграло огромную роль в оправдании мултанцев и анализ этнографической экспертизы очень важен, так как процесс в конечном счете превратился в суд над целым народом. Однако нужно признать, что давно назрела необходимость разделения этнографической и юридической сторон рассматриваемой проблемы, как это было сделано по вопросам судебно-медицинской экспертизы¹⁶. Можно долго дискутировать о наличии в прошлые века человеческих жертвоприношений в религиозных обрядах удмуртов, но следует отделить этот вопрос от обстоятельств конкретного уголовного дела конца XIX в., по которому после многолетнего разбирательства был вынесен оправдательный приговор. Согласно же правовому принципу презумпции невиновности никто не должен доказывать свою невиновность, если не доказано обратное.

Целью данной работы является рассмотрение правового аспекта ключевых моментов Мултанского дела. Из неопубликованных источников использованы хранящиеся в архиве Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (г. Ижевск) копии материалов уголовного дела: фонд РФ, опись 2-Н, дела 47, 48, 86, 87, 118. Поскольку в основу исследования положены материалы именно этих дел, автор счел нецелесообразным перегружать научный аппарат работы чрезмерным обилием ссылок. Среди использованных опубликованных источников следует прежде всего отметить работы очевидцев и участников процесса: *Баранов А.Н., Короленко В.Г., Суходоев В.И. Дело мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам (М., 1896); Карабчевский Н.П. Дело мултанских вотяков (Речи. 1882-1902. СПб, 1902. С. 324-398)*. Особая значимость этих работ заключается в том, что в них зафиксированы многие факты и обстоятельства, по понятным причинам не нашедшие подробного документального отражения в материалах уголовного дела: показания свидетелей защиты, эпизоды, общий ход судебных заседаний и др. В данной работе практически впервые предпринята попытка проанализировать фактический материал на основе нормативно-правовой базы, существовавшей в Российской империи на рубеже XIX-XX вв.

1. Обстоятельства возбуждения уголовного дела

Пятого мая 1892 г. около полудня русская девочка М.Головизнина проходила по устланной бревнами тропе между русскими деревнями Анык и Чулья, идущей по болотистой местности, поросшей редким лесом и кустарником. Она увидела человека, лежавшего поперек тропы, накрытого с головой азымом¹⁷. Приняв его за спящего пьяного, она обошла его стороной. Возвращаясь утром 6 мая обратно, девочка обнаружила, что пола азыма откинута, а голова у трупа отсутствует.

Шестого мая крестьяне деревни Чулья сообщили в полицию об обезглавленном трупе, найденном на их земле в двух верстах от Чульи. Прибывший 7 мая на место происшествия урядник В.Я.Соколов обнаружил лежавшее ничком обезглавленное тело, одетое в крестьянскую одежду, с котомкой за плечами. Азым был уже кем-то сложен и заделан за лямки котомки, в которой нашли два удостоверения. Первое из них свидетельствовало, что убитый – Конон Дмитриевич Матюнин из деревни Завод Ныртов Абдинской волости Мамадышского уезда Казанской губернии (около 100 верст от места происшествия), а второе указывало на его подверженность падучей болезни. К приезду урядника вся местность вокруг трупа была истоптана крестьянами, которые заявили, что они искали отделенную голову. Урядник не стал составлять протокол осмотра и, оставив у трупа охрану из крестьян Аныка и Чульи, сообщил о происшествии судебному следователю Малмыжского уезда. Девятого мая на место прибыл становой пристав Е.М.Тимофеев, который произвел осмотр и 10 мая составил протокол.

Убитый был крепкого сложения, следов крови вокруг него не обнаружено. Одежда, за исключением двух небольших пятен, похожих на те, что остаются после обтирания рук, значительных следов крови не имела. На мертвое тело кто-то одел азым (в рукава были просунуты руки). Поверх азыма за плечами была прилажена котомка. Голова была отрезана вместе с шеей, и запекшаяся в отверстии кровяная масса затрудняла определение наличия внутренностей. Около трупа было найдено несколько прядей длинных светлых волос и медный крест с перерезанным шнурком. На животе было зафиксировано несколько неболь-

ших буроватых пятен. Более никаких повреждений – что очень важно – ни на спине, ни на ногах отмечено не было. Десятого мая труп был перенесен в сухую яму, вырытую в лесу, где, обложенный снегом и накрытый досками, пролежал до дня вскрытия 4 июня.

Выяснилось, что крестьянская девушка П.Кобылина проходила через место происшествия 5 мая между 8 и 9 часами утра и трупа не видела. Таким образом, труп появился на тропе 5 мая в интервале между 9 и 12 часами дня, когда его впервые заметила М.Головизнина. Отсутствие вокруг трупа крови говорило о том, что убийство и отделение головы были совершены в другом месте. Отсутствие на одежде следов крови, некоторый беспорядок в одежде, а также неплотно сидевшие на ногах онучи и лапти со слабо завязанными веревками указывали на то, что труп одели уже после убийства. Поскольку убитый при жизни существовал за счет милостыни, версия об убийстве с целью наживы была исключена сразу.

Следует отметить, что из пяти расположенных недалеко от места происшествия селений лишь одно было удмуртским – достаточно благополучное ярмарочное село Старый Мултан, из которого не было прямого пути на тропу между Чульей и Аныком. Свидетели утверждали, что видели нищего Матюнина поздно вечером 4 мая в Старом Мултани, где он, скорее всего, и заночевал. Русские крестьяне Чульи и Аныка с самого начала направили расследование по определенному пути – мултанские удмурты принесли человека в жертву языческим богам, что они якобы совершают через каждые 40 лет.

Становой пристав Тимофеев послал уведомление на имя судебного следователя, и 13 мая исполняющий обязанности судебного следователя 2-го участка Малмыжского уезда Н.С.Казанский составил постановление о принятии уголовного дела к производству.

2. Дознание и предварительное следствие

Одиннадцатого мая пристав Тимофеев, собрав крестьян из русских деревень, произвел повальный обыск всех дворов Старого Мултана, в результате чего был собран ряд «вещественных доказательств», приобщенных к делу. Во дворе престарелого крестьянина Моисея Дмит-

риева были найдены корыто из-под солонины и полог с кровавыми пятнами. Судебный следователь отправил их на экспертизу в Медицинский департамент лишь в сентябре, что сделало невозможным установление, кому могла принадлежать эта кровь – человеку или животному. Особое внимание привлек расположенный в дальней части двора модельный шалаш Дмитриева (что примечательно – с иконой Святого Николая в углу), земляной пол которого в центральной части оказался сырым, что было воспринято как результат смывания крови. На экспертизу была взята проба земли на предмет наличия крови. Помимо того, в шалаше на предназначенных для подвешивания жертвенных животных перекладинах были обнаружены несколько прилипших волосков, которые также приобщили к делу. Более ничего существенного обнаружить не удалось.

Семнадцатого мая в Старый Мултан прибыл следователь Н.С.Казанский, который произвел повторный осмотр модельного шалаша. Пол шалаша был раскопан, в результате чего были обнаружены кости жертвенных животных. Казанский, как и Тимофеев, придал особое значение волосам на перекладинах и сырости пола, проигнорировав наличие дымового отверстия в крыше шалаша, через которое зимой могло быть нанесено немало снега, весной растаявшего и образовавшего большое сырое пятно на земляном полу. Следует особо отметить, что после осмотров ни тринадцатого, ни семнадцатого мая шалаш не опечатывался и доступ к нему был открытым. Восемнадцатого-девятнадцатого мая следователь допросил нескольких свидетелей, но так и не допросив арестованного Дмитриева, уехал, приостановив следствие и поручив становому приставу выяснить, кто из мултанцев наиболее усердно посещает языческие моления.

Третьего июня становой пристав, не имея иных оснований, кроме слухов, арестовал семерых наиболее авторитетных мултанцев. Как и Дмитриева, их содержали при волостном правлении в селе Старый Трык.

Лишь 4 июня в Мултан приехал уездный врач А.В.Минкевич, который в присутствии следователя произвел вскрытие трупа. В акте судебно-медицинского вскрытия, пожалуй, наибольшее внимание привлекает следующая информация: труп крепкого (атлетического) телосложения; голова отнята вместе с шеей одним круговым разрезом острым ножом; пять левых ребер и четыре правых отрублены у самого позво-

ночника через проделанное в спине отверстие; сердце и легкие удалены через шейное отверстие; на животе расположено около десятка небольших бурых пятен размером от горошины до лесного ореха; на обеих голених спереди и сзади обнаружены кровоподтеки; мышцы бледные, вены пустые, спавшиеся, крови в них не найдено. Врач заключил, что смерть наступила от тяжелой смертельной раны шеи острым режущим орудием, после чего была вырублена верхняя часть позвоночника и вынута содержимое грудной полости. Обнаруженные на голених повреждения могли быть получены как во время предсмертной борьбы с убийцами, так и в результате подвешивания за ноги с целью обескровливания трупа.

В течение июня следователь допрашивал свидетелей и 28 июня вынес постановление о привлечении одиннадцати мултанцев в качестве обвиняемых по делу об убийстве Конона Матюнина с целью принесения его в жертву языческим богам. Чтобы обвиняемые не уклонились от суда, Моисей Дмитриев, Дмитрий Степанов, Степан Петров и Михаил Титов были заключены до суда под стражу, а над Трофимом Максимовым, Семеном Яковлевым, Андрианом Андреевым, Максимом Гавриловым, Ильей Терентьевым, Андрианом Александровым и Семеном Ивановым был установлен полицейский надзор. Одни мултанцы были впервые допрошены в день вынесения постановления о привлечении их в качестве обвиняемых, а другие – на следующий день.

По причине того, что 4 июня в ходе судебно-медицинского освидетельствования трупа на нижних третях голеней были отмечены не обнаруженные ранее повреждения, которые могли возникнуть от подвешивания тела за ноги с целью удаления из него крови, 2 июля становой пристав в третий раз произвел осмотр шалаша, где обнаружил еще одну прядь волос, которая, как и предыдущие, была отослана на экспертизу. Исследовав все пряди волос, врачебное отделение Вятского губернского правления констатировало, что из почти сотни предоставленных волосков только пять принадлежат человеку, но и они не совпадают с волосами, найденными на трупе Матюнина.

Недостаточность прямых улик заставила следствие предпринять новые действия. Так, 30 ноября 1892 г., через семь месяцев после начала мултанских событий становой пристав В.Я.Соковиков в отсутствие

хозяина произвел осмотр дома крестьянина Кузьмы Самсонова, в результате чего были обнаружены и без должного оформления изъяты рубашка и штаны с пятнами крови. Хотя наличие пятен оправдывалось тем, что Самсонов был профессиональным мясником, он был привлечен к делу в качестве обвиняемого, как и еще двое мултанцев – Василий Кондратьев и Василий Кузнецов, помещенные вместе с Моисеем Дмитриевым в тюремный замок г. Малмыжа.

Восемнадцатого января появился еще один аргумент: бывший землемер, один из главных свидетелей обвинения, земский начальник К.В.Львовский сообщил, что от русских крестьян он слышал о летней болотной тропинке (ее впоследствии так и не нашли), которую он нанес на план местности. По версии обвинения по этой тропинке удмурты из Мултана перенесли труп на тропу между Чульей и Аныком. Но и этого явно не хватало для передачи дела в суд. Время шло, а следствие все более затягивалось.

В июле 1893 г. в Старый Мултан в качестве нового следователя был направлен пристав 4-го стана Малмыжского уезда Н.А.Шмелев, считавшийся в уезде одним из лучших сыщиков. С его появлением следствие несколько оживилось: многие прежние свидетели стали давать нужные следствию показания. Стремясь выбить у обвиняемых признание, Шмелев применил новые, не использовавшиеся ранее методы. Позднее на судебном заседании подсудимые рассказали о многочисленных фактах изощренного физического воздействия: кормление соленой селедкой, битье кнутом, подвешивание к потолку, стрельба из револьвера и т.д. Физическое воздействие применялось не только к обвиняемым, но и к свидетелям. Отдельно необходимо сказать об изобретенной следователем Шмелевым знаменитой «медвежьей» присяге, когда, пытаясь психологически воздействовать на суеверное сознание удмуртов, их заставляли произносить присягу перед медвежьим чучелом, целовать его морду, пролезать под упряжной дугой и совершать иные «ритуальные» действия. В результате таких «следственных мероприятий» не выдержавшие издевательств свидетели 12-летний Константин Моисеев и Михаил Титов (слывший деревенским дурачком) согласились дать показания в пользу обвинения. Моисеев сообщил, что видел, как пьяного нищего вели в сторону моленного шалаша Дмитриева, а Титов заявил, что будучи родственником одного

из обвиняемых он слышал о состоявшемся жертвоприношении, и назвал имена его участников.

Шестнадцатого и семнадцатого августа 1893 г. следствие еще дважды провело осмотр шалаша, после чего на экспертизу были посланы еще три волоса, один из которых по своему строению был признан похожим на волосы Матюнина. Выемка этого непонятно откуда взявшегося седого длинного волоса не была оформлена должным образом (не было протокола и понятых), что, однако, не помешало обвинению использовать его на суде в качестве одной из улик.

Важная роль в построении обвинения была отведена показаниям ранее неоднократно судимого, в том числе за мошенничество и убийство с ограблением, арестанта Якова Голова. Он сидел в тюремном замке с умершим в заключении Моисеем Дмитриевым, который якобы признался ему перед смертью в преступлении и рассказал о подробностях его совершения.

Продолжавшееся с 13 мая 1892 г. более двадцати шести месяцев следствие завершилось 27 июля 1894 г. составлением товарищем прокурора Сарапульского окружного суда Н.И.Раевским обвинительного акта в отношении десяти мултанцев. Было прекращено следствие по обвинению умерших Моисея и Василисы Дмитриевых, а также Степана Петрова, Ильи Терентьева, Трофима Максимова, Семена Яковлева и Михаила Титова ввиду недоказанности их вины. Кроме того, Михаил Титов на предварительном следствии дал «важные» показания в пользу обвинения.

Восьмого августа 1894 г. уголовное дело по обвинению мултанских удмуртов в человеческом жертвоприношении поступило в Казанскую судебную палату, которая в своем определении от 24 августа признала следствие правомочным и утвердила обвинительный акт, полностью проигнорировав многочисленные нарушения, допущенные в ходе предварительного следствия. Десять мултанцев были обвинены в том, что с обдуманым заранее намерением и по предварительному между собою соглашению с целью принесения в жертву языческим богам лишили жизни крестьянина Матюнина и вырезали у него голову с шеей и грудными внутренностями, что подпадало под действие ч. 1 ст. 1454 Уложения о наказаниях¹⁸. Обвиняемые были преданы суду Сарапульского окружного суда с участием присяжных заседателей.

3. Первое судебное разбирательство дела (в г. Малмыже)

Мултанские удмурты, ранее даже не знавшие, что они имеют право на защитника, воспользовались им лишь в конце ноября 1894 г. У частного поверенного из Сарапула М.И.Дрягина было не так много времени для знакомства со всеми обстоятельствами дела, по этой причине ему было сложно должным образом подготовиться к защите подсудимых.

Первый суд состоялся в уездном городе Малмыж 10-11 декабря 1894 г. На суде некоторые свидетели из русских деревень сообщили сведения, кардинально расходившиеся с положениями обвинительного акта. Так, из их показаний выходило, что убитый Матюнин ночь с 4 на 5 мая провел в деревне Кузнерке. Крестьянин Николай Санников свидетельствовал, что нищий из Ныртова ночевал у него, а утром, напившись чаю, отправился в Чулю для сбора милостыни. Такой поворот событий, в значительной степени отводивший обвинение от мултанцев, по-видимому, не устраивал суд, поэтому он не стал более тщательно исследовать принципиальнейший вопрос: где Матюнин провел ночь с 4 на 5 мая.

Многочисленные свидетели давали запутанные, а нередко и противоречившие одно другому показания относительно существования языческих жертвоприношений у удмуртов. Для разъяснения этого вопроса логичным было пригласить экспертов-этнографов, которые могли бы осветить эти сюжеты, основываясь на данных этнографической науки. Однако этнографическая экспертиза могла разрушить обвинение, полностью основанное на слухах и домыслах о сохранении среди удмуртов человеческих жертвоприношений, что, очевидно, не соответствовало интересам суда, тенденциозно разбиравшего дело.

Защитник подсудимых М.И.Дрягин на суде был фактически лишен права вызывать новых свидетелей и ему пришлось довольствоваться свидетелями, от которых обвинение отказалось. Председательствовавший судья Н.А.Горицкий лишил также защитника Дрягина возможности дать присяжным заседателям во время судебного следствия указания и разъяснения по поводу вещественных доказательств, фигурировавших в деле. Кроме того, обвинитель Н.И.Раевский неоднократно прерывал защитника при допросе свидетелей и представлении объяснений присяжным заседателям.

Свидетели обвинения Михаил Титов и Константин Моисеев отказались от показаний, данных на предварительном следствии, заявив, что дали их под сильным физическим воздействием. Против подсудимых не было ни одной серьезной улики, о чем свидетельствует даже обвинительная речь товарища прокурора Раевского: «Анриан Андреев является нравственным виновником этого преступления, ибо он рассказал вотьякам о своем сне и с этого момента у вотяков зародилась мысль о необходимости человеческого жертвоприношения. Участие Кузьмы Самсонова в этом преступлении несомненно потому, что он лучший мясник в Мултане и так вырезать внутренности, как это сделано у покойного, мог только один Кузьма Самсонов. Другие – Дмитрий Степанов, Анриан Александров обвиняются как лица, принадлежавшие к местному вотскому духовенству, без участия которых не могло бы быть жертвоприношения. Андрей Григорьев – как лицо, всеми уважаемое, без санкции его не могло совершиться ни одно моление»¹⁹. Как видно из приведенного отрывка, обвинение даже не удосужилось более-менее убедительно обосновать вину каждого подсудимого. Основной упор был сделан на необходимости пресечения «злодейской» деятельности удмуртов: «Подсудимые – фанатики, оправдывая таких фанатиков, мы должны оправдывать цареубийц. Помните, что этим делом заинтересованы все вотяки, живущие здесь. Они смотрят на него как на пробный камень»²⁰. После этих слов обвинителя решение присяжных заседателей, большинство которых было подобрано из крестьян, фактически было предрешено.

В своем приговоре суд признал факт существования у удмуртов человеческих жертвоприношений установленным, а семерых мултанцев – виновными в убийстве Матюнина с целью принесения жертвы языческим богам и приговорил их к каторжным работам на срок от восьми до десяти лет и ссылке в Сибирь. Трое подсудимых были оправданы.

4. Отмена первого приговора

Защитник мултанцев М.И.Дрягин сразу после вынесения приговора составил кассационную жалобу, в которой отметил все нарушения, имевшие место в ходе предварительного следствия и судебного

разбирательства. Двадцать первого января 1895 г. она поступила в уголовный кассационный департамент правительствующего Сената. Вместе с жалобой в Сенат были направлены замечания Дрягина в отношении протокола судебного заседания Сарапульского окружного суда, в который не был занесен ряд свидетельских показаний, а по ряду показаний в протоколе отсутствовали задаваемые свидетелям вопросы.

На процессе в Малмыже присутствовал корреспондент местной газеты О.М.Жирнов, которого возмутил следственно-судебный произвол в отношении как подсудимых, так и защиты. Вместе с журналистом А.Н.Барановым он решил донести до общественности правду о Мултанском деле. Отчет Жирнова о процессе был разослан в различные газеты, но только «Казанский телеграф» впервые опубликовал его 20-24 января 1895 г.²¹ Длительное время на общем фоне осуждения инородцев-язычников эти материалы широкого резонанса не имели, как и сообщение этнографа П.М.Богаевского, выступившего в феврале 1895 г. в Московском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии с докладом о религии удмуртов, в котором он отрицал возможность совершения удмуртами человеческих жертвоприношений.

В марте 1895 г. защитник Дрягин обратился в правительствующий Сенат с просьбой о рассмотрении дела в порядке надзора, сопроводив ее рядом документов, в которых излагались все подробности обстоятельств возбуждения дела, а также стадии предварительного следствия и судебного разбирательства. Дрягин открыто заявил, что действия властей в ряде случаев были противозаконны. К материалам был приложен и судебный отчет Жирнова.

Мултанское дело рассматривалось в уголовном кассационном департаменте правительствующего Сената с 15 апреля по 5 мая 1895 г. По поручению обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената А.Ф.Кони заключение по делу давал прокурор Коптелов, указавший на ряд выявленных процессуальных нарушений. После обсуждения заключения уголовный кассационный департамент согласился со всеми его выводами и вынес определение об отмене обвинительного приговора Сарапульского окружного суда по Мултанскому делу. В определении были отмечены грубые нарушения уголовно-процессуального законодательства Российской империи, совершенные в ходе рас-

следования обстоятельств дела и при проведении судебного заседания, прежде всего – ограничение защиты в правах по отношению к стороне обвинения в нарушение ст. 630 Устава уголовного судопроизводства²². Во-первых, в нарушение п. 2 названной статьи был ограничен круг вопросов, имевшихся у защиты к свидетелю Андрею Пивоварову. Во-вторых, в нарушение п. 3 названной статьи защита была стеснена в разъяснениях присяжным заседателям по поводу вещественных доказательств. В-третьих, в нарушение все той же ст. 630 Устава уголовного судопроизводства обвинитель неоднократно вмешивался в процесс допроса защитником свидетелей. В-четвертых, многие свидетели давали свои показания только по слухам, что кассационный департамент признал существенным нарушением ст. 718 Устава уголовного судопроизводства²³. В-пятых, в нарушение той же статьи суд не предоставил свидетелю возможности рассказать все, что ему было известно по делу, а ограничился исключительно обстоятельствами, для удостоверения которых он был вызван. В дополнение ко всему перечисленному кассационный департамент указал, что в обвинительном акте нет четких доказательств существования у удмуртов человеческих жертвоприношений, а самое главное – не были подтверждены с достаточной полнотой фактические основания для обвинения каждого из подсудимых в тяжком, влекущем за собой уголовное наказание преступлении, в связи с чем суду предписывалось рассмотреть дело вновь, в другом составе присутствия и в другом ближайшем от места нахождения подсудимых и свидетелей городе, например в Елабуге.

5. Второе судебное разбирательство дела (в г. Елабуге)

По всей видимости, отмена обвинительного приговора стала большой неожиданностью для местных судебных властей, которые были уверены, что правительствующий Сенат поддержит честь их мундира и оставит в силе приговор против язычествующих инородцев. Ошеломляющее известие из Петербурга заставило полицию и прокуратуру с новой энергией приняться за сбор информации для поддержания обвинения. Были привлечены новые свидетели. В качестве эксперта со сторо-

ны обвинения был приглашен профессор Казанского университета И.Н.Смирнов. Автор ряда монографий, в том числе и об удмуртах, он был в то время, пожалуй, крупнейшим в Поволжье специалистом по восточно-финским народам²⁴.

Подготовка к новому процессу проходила на фоне оживившихся в прессе после отмены приговора дискуссий сторонников обвинения и защиты. Для привлечения большего общественного внимания к этому незаурядному делу А.Н.Баранов пригласил своего знакомого – писателя и публициста В.Г.Короленко, широко известного по деятельности в популярном журнале «Русское богатство». За август-сентябрь Короленко изучил дело по материалам, присланным ему А.Н.Барановым, и прибыл в Елабугу за два дня до суда.

В распорядительных заседаниях Сарапульского окружного суда (в них принял участие и судья Горицкий, председательствовавший на суде в Малмыже), состоявшихся 19 августа и 19 сентября 1895 г., рассматривались в числе прочего прошения защитника Дрягина о вызове известного московского этнографа П.М.Богаевского в качестве эксперта; экспертов-врачей для более точного определения прижизненности повреждений, оказавшихся при осмотре и вскрытии трупа Матюнина; новых свидетелей, которые могли предоставить суду новые сведения об обстоятельствах, не бывших в рассмотрении суда и исключающих, по мнению защиты, возможность признания обвиняемых лиц виновными в убийстве Матюнина; а также двух соподсудимых, оправданных приговором окружного суда 10-11 декабря 1894 г. Среди прочего следует выделить особо просьбу Дрягина о вызове свидетелей составления становым приставом почему-то отсутствующего в деле протокола о найденных неподалеку от места происшествия, за рекой Люгой следах крови. Суд определил: отказать в вызове этих свидетелей, так как обстоятельства, о которых они должны были свидетельствовать, не представлялись вновь открывшимися. По поводу вызова двух соподсудимых, оправданных судом, в определении суда не содержалось никакого постановления. Вместе с тем суд признал, что выяснение причины смерти Матюнина, прижизненности или посмертности повреждений, обнаруженных на трупе, и последовательности их причинения представляется для дела существенным, и нашел возможным вызвать из числа экспертов и врачей этнографа Г.Е.Верещагина и уездных врачей А.Г.Крылова и А.В.Минкевича.

Второе судебное разбирательство проходило 29 сентября – 1 октября 1895 г. и в значительной мере повторило малмыжский процесс. Вновь главным обвинителем выступил товарищ прокурора Сарапульского окружного суда Н.И.Раевский. Вновь судебное разбирательство велось с нарушением норм судопроизводства и в атмосфере откровенной тенденциозности.

Большие надежды обвинения были связаны с этнографической экспертизой профессора Смирнова, который прямо не утверждал о наличии среди удмуртов человеческих жертвоприношений, но на основе анализа двух удмуртских сказок допускал их возможность. Так как прямых указаний на человеческие жертвоприношения не было и в этих сказках, профессор Смирнов воспользовался «сравнительным» методом, экстраполировав на удмуртов выводы, полученные при анализе марийских сказок. На ряд принципиальных вопросов эксперт Смирнов дал ответы, противоположные его взглядам, изложенным в работе «Вотьяки», вышедшей в свет в 1890 г.

Этнограф Г.Е.Верещагин сообщил об отсутствии в удмуртской мифологии божества, которое требовало бы принесения человеческой жертвы, вследствие чего религиозная обрядность удмуртов не знает человеческого жертвоприношения. Иных аргументов он не высказал и в дальнейшем ограничился лишь краткими ответами на вопросы со стороны суда и защиты. По мнению защитника Дрягина, будучи сельским учителем, косноязычный Верещагин не мог достойно оппонировать университетскому профессору Смирнову. Кроме того, он не был знаком с литературой по этому вопросу, и круг его воззрений был ограничен личным наблюдением жизни удмуртов определенной местности. Это усиливало комплект экспертов обвинения.

Что касается судебно-медицинской экспертизы, то в суд были вызваны три медика. Земские врачи А.Г.Крылов и Н.П.Аристов ничего определенного сообщить не могли, хотя и признали возможность прижизненного подвешивания Матюнина за ноги с последующим обезглавливанием для удаления крови и внутренностей. Следует особо отметить экспертное заключение уездного врача Минкевича, производившего 4 июня 1892 г. вскрытие трупа. На суде он признал, что составлял акт вскрытия трупа, будучи «предубежденным» следователем Казанским. На самом деле никаких кровоподтеков на голених не было, а поэтому нет и никаких анатомических данных для заключе-

ния о подвешивании Матюнина. Буроватые пятнышки на животе произошли не вследствие уколов ножом для выпуска крови, а являются следами перенесенной сыпи. Минкевич сообщил также, что нет никаких данных о прижизненном обескровливании убитого, исследование которого позволяет говорить не столько о жертвоприношении, сколько об осквернении трупа.

Прения сторон в значительной степени повторяли те, что были в Малмыже. Правда, Раевскому после выступления экспертов-этнографов пришлось признать, что в удмуртской мифологии нет божества по имени Курбон, регулярно требующего человеческих жертв. Однако подхватив использованный Смирновым «сравнительный метод», прокурор заявил, что у родственных удмуртам народов такие божества есть, а, следовательно, и человеческие жертвоприношения могут иметь место как у этих народов, так и у удмуртов.

Основу обвинения по-прежнему составляли слухи, слухи о слухах и плохо замаскированные подлоги. Отстаивая версию жертвоприношения с подвешиванием тела, Раевский проигнорировал заключение врача Минкевича относительно отсутствия кровоподтеков на нижних третях голеней и происхождения пятен на животе убитого. В очередной раз были проигнорированы показания свидетелей о том, что Матюнин ночевал не в Старом Мултане, а в Кузнерке. Как безосновательные были отвергнуты все факты полицейского произвола на стадии дознания и предварительного следствия. Хотя защитник Дрягин четко указал на многочисленные несоответствия и противоречия в аргументах обвинения, присяжные заседатели повторно вынесли всем семерым подсудимым обвинительный приговор. Из «гуманных» побуждений суд, руководствуясь ст.ст. 774 и 828 Устава уголовного судопроизводства²⁵ и приняв во внимание, что убийство Матюнина совершено не из корыстных или иных личных побуждений, а «единственно вследствие религиозного заблуждения и притом вотяками, крайне неразвитыми и имеющими лишь самые слабые понятия о религии и нравственности», понизил наказание для Кузьмы Самсонова, Дмитрия Степанова, Семена Иванова и Василия Кондратьева на одну степень, а для остальных – на две степени и назначил таковое в низшей мере для первых четверых по 4-й, а для остальных по 5-й степени ст. 19 Уложения о наказаниях²⁶ с заменой для Андрея Григорьева как имевшего в момент совершения преступления более 70 лет от роду каторжных работ ссылкой на по-

селение в отдаленнейших местах Сибири на основании ст. 74 Уложения о наказаниях²⁷.

Таким образом, шестеро были лишены всех прав состояния и приговорены к каторжным работам на срок от 8 до 10 лет с последствиями, указанными в ст. 25 Уложения о наказаниях²⁸, а престарелый Андрей Григорьев был приговорен к лишению всех прав состояния и высылке в отдаленнейшие места Сибири с последствиями, указанными в ст. 26 Уложения о наказаниях²⁹ с применением ко всем подсудимым на месте ссылки п. 14 ст. 4 всемилостивейшего Манифеста от 14 ноября 1894 г.³⁰

6. Повторная отмена приговора

Очередной произвол судебных властей был налицо. Единственным методом борьбы с ним было привлечение внимания прогрессивной общественности к фактам вопиющего беззакония. О.М.Жирнов, А.Н.Баранов и елабужский журналист В.И.Суходоев освещали дело в региональной прессе. Авторитет В.Г.Короленко способствовал тому, что в столичной прессе – в «Русских ведомостях» с 18 октября начали публикацию судебного отчета.

Восьмого ноября 1895 г. в правительствующий Сенат поступила вторая кассационная жалоба защитника Дрягина, которая была рассмотрена 22 декабря в открытом судебном заседании уголовного кассационного департамента. Со стороны защиты в заседании принял участие приглашенный Короленко видный столичный адвокат Н.П.Карабчевский. В своем выступлении он указал на многочисленные факты нарушения процессуального законодательства и впервые заявил, что Мултанское дело представляет собой не судебную ошибку, а явную судебную фальсификацию, порожденную промахами полиции на стадии дознания и предварительного следствия³¹.

Общий доклад по всем изложенным в жалобе обстоятельствам сделал сенатор А.А.Арцимович. Заключение по делу давал обер-прокурор А.Ф.Кони, который подчеркнул: «В этого рода делах суд обязан с особою точностью и строгостью выполнить все предписания закона, направленные на получение правосудного решения. Он должен памя-

товать, что приговор его является не только разрешением судьбы подсудимого, но и точкою опоры для будущих судебных преследований и вместе с тем доказательством существования такого печального явления, самое признание которого судом устраняет на будущее время сомнение в наличности источника для известных преступлений бытового или религиозного характера в той или другой части населения... Признание по этому делу подсудимых виновными должно быть совершено с соблюдением в полной точности всех форм и обрядов судопроизводства, ибо этим решением утверждается авторитетным словом суда не только существование ужасного и кровавого обычая, но и невольно выдвигается вопрос о том, приняты ли были достаточные и целесообразные меры для выполнения Россиею, в течение нескольких столетий владеющею вотским краем, своей христиански-культурной и просветительной миссии. Установление путем судебного приговора несомненности существования такого обычая, до сих пор спорного между этнографами и учеными, должно быть совершено путем безупречного исполнения закона, чтобы раз навсегда прекратить сомнения по этому поводу... правительствующим Сенатом уже передана суду необходимость особой осмотрительности в разрешении настоящего дела, выражающейся в соблюдении всех тех предписаний, которыми гарантирована эта осмотрительность. Между тем надлежит признать, что сарапульский окружной суд и при вторичном рассмотрении сего дела допустил ряд существенных нарушений...»³²

Первое из них – нарушение ст. 929 Устава уголовного судопроизводства³³: председательствовавший при первом рассмотрении дела судья Н.А.Горицкий после кассации приговора в качестве члена суда принимал участие с докладами в распорядительных заседаниях 19 августа и 19 сентября 1895 г., на которых рассматривались ходатайства подсудимых о вызове новых свидетелей и экспертов. Причем эти ходатайства в значительной части не были удовлетворены. Между тем ст. 929 четко предписывает, что дело, переданное в суд, приговор которого отменен, решается тем же судом в другом составе присутствия.

Второе нарушение выразилось в способе обсуждения ходатайства защиты о вызове не явившихся свидетелей. Суд наделен дискреционным правом отказывать в вызове новых свидетелей, если сочтет, что показания, которые они должны дать, не представляются вновь

открывшимися. Однако само ходатайство о вызове должно быть на этот счет обсуждено во всех подробностях. Между тем постановление суда от 19 августа 1895 г. отказало в вызове свидетелей, которые должны были показать на новые обстоятельства дела, на том основании, что обстоятельства эти не представляются новыми, так как некоторые из них были известны при производстве полицейского дознания, а иные - при производстве предварительного следствия. При этом суд не указал фактические к тому обоснования. Сенат посчитал приведенные в жалобе обстоятельства вновь открывшимися, а отказ в вызове свидетелей по таковым обстоятельствам – нарушением ст. 577 Устава уголовного судопроизводства³⁴.

Третье нарушение касалось ст. 734 Устава уголовного судопроизводства³⁵, согласно которой защитник имеет право на отсрочку заседания для того, чтобы подготовиться к возражениям против новых доказательств, выставляемых прокурором в лице новых свидетелей, вызванных им по ст. 573 Устава уголовного судопроизводства³⁶. Ссылка же суда на то, что прокурор имеет право не указывать на обстоятельства, по которым вызываются свидетели, противоречила неоднократно высказанной Сенатом точке зрения, нашедшей свое окончательное закрепление в решении № 17 за 1886 г.³⁷

Четвертое нарушение выразилось в том, что председатель не разрешил защитнику задавать вопросы свидетелю – становому приставу Шмелеву, который в ходе дознания приводил обвиняемых к присяге перед чучелом медведя, используя этот суеверный обряд для получения от них признания в убийстве крестьянина Матюнина. Так как все вопросы касались действий станового по производству дознания, предусмотренных ст.ст. 250-258 Устава уголовного судопроизводства³⁸, имели отношение к обстоятельствам дела и были направлены на проверку введенных в дело доказательств, то запрещение защитнику задавать вопросы об обстоятельствах получения у подсудимых признания было признано нарушением ст.ст. 612 и 722 Устава уголовного судопроизводства³⁹.

Кроме того, обер-прокурор А.Ф.Кони обратил внимание на недостойное служителя Фемиды письмо председательствовавшего на елабужском процессе судьи И.А.Ивановского, которое было отослано в Сенат вместе с делом. Ивановский писал, что кассационное обжалование приговора есть затея не обвиняемых, людей темных,

готовых покориться своей участи, а их защитника и нескольких газетных корреспондентов.

По всем приведенным основаниям уголовный кассационный департамент Сената определил: приговор Сарапульского окружного суда по Мултанскому делу отменить, дело для нового рассмотрения передать в Казанский окружной суд, а составу суда, участвовавшему в распорядительных заседаниях 19 августа и 19 сентября, на основании ст. 265 Учреждений судебных постановлений⁴⁰ сделать замечание за нарушение ст. 929 Устава уголовного судопроизводства.

Не следует думать, что кассационный департамент по поводу всех спорных вопросов был на стороне защиты. Часть отмеченных М.И.Дрягиным неоднозначных нарушений законодательства не была признана заслуживающей внимания: вызов по просьбе защиты вопреки ст. 578 Устава уголовного судопроизводства⁴¹ из указанных экспертов лишь Верещагина; отказ в вызове экспертов и свидетелей на счет подсудимых согласно ст.ст. 57 и 576 Устава уголовного судопроизводства⁴² и др. Кассационный департамент сослался при этом на разъяснения решений правительствующего Сената по различным уголовным делам, где было закреплено толкование этих спорных моментов⁴³.

7. Третье судебное разбирательство дела (в г. Мамадыше)

Беспрецедентное Мултанское дело, по которому правительствующий Сенат дважды отменял обвинительные приговоры, привлекло самое пристальное внимание различных слоев российского общества. Многие газеты перепечатывали материалы елабужского судебного отчета, который благодаря стараниям В.Г.Короленко в феврале 1896 г. был издан отдельной книжкой. В предисловии к отчету Короленко обратился к юристам, этнографам, медикам с просьбой дать оценку аргументам стороны обвинения: «Света, как можно больше света на это темное дело, иначе навсегда над ним нависнет страшное сомнение в том, где искать истинных жертв человеческого жертвоприношения! Матюнин ли это, погибший таинственной и загадочной смертью, или

это сами несчастные мултанцы являются жертвами следственных порядков...»⁴⁴ Многие откликнулись, и практически все аргументы обвинения были подвергнуты самому критичному анализу. Общественное мнение стало постепенно склоняться на сторону мултанцев. Обилие опубликованной по данному вопросу научной и публицистической литературы вынудило власти усилить контроль над издаваемыми материалами, что, впрочем, не смогло остановить возрастание интереса к предстоявшему третьему судебному разбирательству, назначенному на 28 мая 1896 г.

Дабы отстоять честь мундира министерство внутренних дел и министерство юстиции тщательно готовились к новому этапу противостояния с защитой мултанцев, которая стала пользоваться в обществе все большей поддержкой. Хотя дело было изъято из Сарапульского окружного суда и передано на новое рассмотрение в Казанский окружной суд, прокурор Казанской судебной палаты А.А.Чернявский обратился к министру юстиции Н.В.Муравьеву с просьбой разрешить Раевскому в третий раз поддерживать обвинение на судебном разбирательстве. Формально будучи помощником обвинителя, товарища прокурора Казанской судебной палаты Симонова Раевский фактически выступил в роли основного обвинителя. На распорядительных заседаниях Казанский суд удовлетворил ходатайство стороны обвинения о вызове шестерых новых свидетелей, которые должны были сообщить о случаях принесения удмуртами человеческих жертвоприношений. В одном из таких заседаний 3-4 апреля 1896 г., куда защита не была допущена, товарищ прокурора Раевский принимал участие в обсуждении ходатайства защиты, которое было отклонено по всем пунктам.

В феврале-мае 1896 г. при подготовке к судебному разбирательству Казанский окружной суд трижды отказывал в удовлетворении ходатайств защитника Дрягина о вызове новых свидетелей, о привлечении новых экспертов и дополнительного защитника, а также о разбирательстве дела в Казани, а не в Мамадыше.

Несомненно, особый интерес в свете дальнейшего развития Мултанского процесса представляет прошение Дрягина в Казанскую судебную палату от 18 мая 1896 г., в котором он обжаловал действия Казанского окружного суда, в своих распорядительных заседаниях отклонившего практически все просьбы защиты. Дрягин отметил, что

создается впечатление, будто суд выступает по делу в качестве противоположной стороны. Защитник привел аргументы в пользу привлечения к делу дополнительных экспертов – этнографа, приват-доцента Кузнецова и профессора судебной медицины Леонтьева, поскольку прежние эксперты, Верещагин (сельский учитель) и Крылов (уездный врач), по его мнению, не способны выполнять свои функции должным образом. Дрягин предупредил, что в случае очередного вынесения обвинительного приговора он в третий раз обратится в кассационный департамент Сената, который, скорее сего, в третий раз отменит приговор. Во избежание этого защитник обратился в судебную палату с прошением обсудить действия Казанского окружного суда в порядке ревизии и надзора и предложил рассмотреть дело в другом составе судей, не имевших отношение к определению 3-4 апреля 1896 г., которым защитнику было отказано во всех его просьбах; рассмотреть ходатайство защиты о вызове новых экспертов; признать за защитой право выставить со своей стороны новых экспертов: по медицинскому вопросу – Леонтьева, по этнографическому – Богаевского или Кузнецова; указать более уважительные причины преимущества рассмотрения дела в Мамадыше перед Казанью (видимо, защитник опасался, что вдали от широкой общественности вероятность судебного произвола будет выше); не суживать понятие «по вновь открывшимся обстоятельствам» до понятия об обстоятельстве не известном при следствии подсудимому или деревне, откуда он родом; при допущении судом товарища прокурора Раевского со стороны обвинения к обсуждению ходатайств защиты допускать к участию в нем и защиту. Данное прошение похоже на жест отчаяния защитника, предчувствовавшего очередное поражение на процессе.

Вынесению очередного обвинительного приговора должно было способствовать прекращение в отношении пристава Шмелева и двух урядников уголовного дела по обвинению в должностных злоупотреблениях, произошедшее незадолго до начала судебного разбирательства. Судебные власти, по-видимому, стремились реабилитировать следствие в глазах общественности и косвенно подтвердить достоверность показаний свидетелей, заявивших на суде, что эти показания были выбиты из них силой.

Некоторая роль была отведена и месту нового судебного разбирательства. Для проведения процесса формально был выбран небольшой

уездный городок Мамадыш по причине относительной близости к месту, где произошли мултанские события. Жители глухого провинциального городка в гораздо большей степени, нежели население Казани, находилось в плену слухов и предрассудков и вряд ли было в курсе мощной публицистической кампании по оправданию мултанцев, развернувшейся в российской прессе благодаря В.Г.Короленко. Вряд ли случайным был и подбор присяжных заседателей – десять крестьян, один мещанин и один дворянин.

Защита перед началом судебного разбирательства была существенно усилена – к частному поверенному М.И.Дрягину присоединились присяжные поверенные Н.П.Карабчевский и П.М.Красников, а также сам В.Г.Короленко. По приглашению защиты на судебное разбирательство прибыли известные ученые: долгое время проживший в Вятской губернии приват-доцент Томского университета этнограф С.К.Кузнецов, профессор судебной медицины К.М.Леонтьев из Казанского университета, профессор судебной медицины Ф.А.Патенко из Харьковского университета. Суд, однако, отказал защите в просьбе выслушать этих специалистов, и экспертами выступили все те же этнографы И.Н.Смирнов и Г.Е.Верещагин, а также врачи А.В.Минкевич, А.Г.Крылов и Н.П.Аристов.

Судебное следствие длилось шесть дней. Активные действия защиты начались с того, что обвинитель Раевский был уличен в подтасовке следственного материала. Согласно обвинительному акту, Василий Кондратьев оказался на скамье подсудимых из-за единственной улики – свидетельских показаний арестанта Якова Голова, которому сокамерник Моисей Дмитриев перед смертью якобы назвал среди прочих участников Кондратьева. Поскольку Кондратьев не упоминался в протоколе допроса Голова, сам собой напрашивался вывод о необоснованном, а, следовательно, противозаконном внесении имени Кондратьева в обвинительный акт.

Многочасовой перекрестный допрос каждого из свидетелей обвинения сбил их с заученных показаний, они запутались, а некоторые даже перестали отвечать на вопросы. Усиливавшаяся путаница и противоречия в показаниях свидетелей обвинения привели к тому, что они стали грубить защите, за что неоднократно предупреждались председателем суда И.Р.Завадским. Удалось выяснить, что труп до вскрытия дважды вынимался из ямы, якобы для очистки его от грязи. Приставу

Шмелеву пришлось сознаться в проведении «медвежьей присяги» в нарушение процессуального законодательства. В результате этого обвинение было существенно скомпрометировано.

Врач Минкевич повторно признал ошибочность своего заключения о вскрытии, существенно подорвав, таким образом, версию о жертвоприношении путем искусственного обескровливания. Врачи Крылов и Аристов вновь признали возможным подвешивание Матюнина за ноги с последующим обезглавливанием для удаления крови и внутренних органов. Все три медицинских эксперта опровергли утверждение прокурора о прижизненных уколах ножами в область живота погибшего для получения крови.

Как и ожидалось, этнограф Смирнов вновь сделал заключение в пользу обвинения. Однако вопросы защиты и указания на противоречия между данным заключением и научными трудами самого Смирнова привели профессора в полное замешательство. Выступавший вслед за ним этнограф Верещагин, в отличие от того, что было на процессе в Елабуге, дал высокопрофессиональное заключение об отсутствии человеческих жертвоприношений у удмуртов. Его высоко оценила защита и журналисты, освещавшие ход процесса. Короленко писал: «Эксперт Верещагин по запискам своим дал такую блестящую экспертизу, что все вышли пораженные ясностью его доказательств. У него были слезы на глазах, публика пожимала ему руки. Прокурор палаты и председатель приходили к нам в комнату защиты. Впечатление огромное»⁴⁵.

Два дня длились прения сторон. Обвинение было построено на экспертизе профессора Смирнова, слухах о человеческих жертвоприношениях не только у удмуртов, но и у инородцев вообще, а также на медицинском акте вскрытия, проведенного Минкевичем, об ошибочности которого сам врач заявлял уже дважды. Прокуроры Симонов и Раевский посчитали вину подсудимых полностью доказанной.

Выступления защитников подорвали всякое доверие к следственному материалу и показаниям свидетелей обвинения. Выступая по очереди, защитники, по всей видимости с целью усиления воздействия на присяжных, в значительной мере повторяли друг друга в общих чертах, хотя нельзя было не отметить определенного распределения между ними сфер особого внимания. Так, Дрягин обратил внимание на фактические обстоятельства дела, противоречивость и запутанность обвинитель-

ного материала, доказывая полную необедительность предъявляемых улик. Приехавший из Казани присяжный поверенный Красников взялся за разбор медицинского вопроса. Писатель Короленко не будучи юристом основное внимание уделил этнографической и религиозной сторонам дела, влиянию христианства на удмуртов. По признанию самого Короленко, опытный столичный адвокат Карабчевский на третьем процессе фактически выполнял функции руководителя защиты. Он произнес многочасовую речь, в которой воспроизвел все этапы дела с момента обнаружения трупа.

Карабчевский начал с рассмотрения этнографического вопроса, шаг за шагом вскрывая некомпетентность стороны обвинения в области удмуртской мифологии и религии. Опираясь на имевшиеся на тот момент данные науки, он сделал следующие заявления: науке и самим удмуртам ничего не известно о злом боге по имени Курбон, которому по утверждению обвинения была принесена жертва; злым богам, таким как Керемет и Акташ, жертва всегда приносится только в лесу, на особом месте, называемом «кереметище»; в родовых моленных шалашах, расположенных в пределах усадьбы, молятся только «мирным» богам, охраняющим род; согласно многовековым традициям, каждый род молится и совершает жертвоприношение исключительно в своем шалаше, а подсудимые принадлежат к двум разным родам; в удмуртских жертвоприношениях печень является важнейшим после сердца жертвенным элементом, а из трупа Матюнина были извлечены только сердце и легкие.

Далее Карабчевский привел ряд аргументов, подтверждавших невозможность убийства Матюнина в шалаше Дмитриева в ночь с 4 на 5 мая. В первую очередь на это указывали изначально отвергнутые следствием свидетельские показания жителей Кузнерки Санниковых, подтвердивших, что страдающий падучей болезнью нищий из Ныртова ночевал у них и утром 5 мая отправился в Чулюю.

Во-вторых, на месте происшествия не на самом трупе, а на земле возле него были найдены отрезанные пряди длинных вьющихся волос, опознанных вдовой Матюнина. Из этого следовал вывод, что голову отделили здесь же, на тропе. Отсутствие следов крови Карабчевский объяснил тем, что место отсечения по свидетельству обнаружившей труп М.Головизниной возвышалось над бревенчатым настилом и было расположено над топким местом с проточными ручьями.

В-третьих, так как было установлено, что труп появился на тропе в период между 9 часами утра и полуднем, то вероятность длительной транспортировки его вручную по непроезжей и относительно многолюдной в такое время тропе выглядит крайне сомнительной.

В-четвертых, явные следы раздевания и одевания трупа можно легко объяснить тем, что с 5 по 10 мая у лежавшего на месте происшествия трупа не было официальной охраны, а когда он лежал в лесной яме до вскрытия 4 июня, то охранялся аныкскими и чульинскими крестьянами. Как выяснилось на судебном следствии, они дважды доставали труп из ямы, чтобы почистить его веником от налипшей земли и подкинуть снега. Позднее некоторые из дежуривших у трупа крестьян были привлечены стороной обвинения в качестве свидетелей, а потому логично предположить, что в этот период над трупом могли быть совершены любые действия, в том числе и направленные на инкриминирование мултанским удмуртам человеческого жертвоприношения.

В-пятых, обнаруженные в котомке убитого удостоверения личности свидетельствуют, что убийца действовал необдуманно и наспех, вследствие чего не догадался уничтожить документы для осложнения работы следствия. Если бы убийство произошло в шалаше Дмитриева, то у мултанцев было бы достаточно времени, чтобы ознакомиться с содержимым котомки.

В-шестых, если бы тело Матюнина было подвешено в шалаше Дмитриева, то вряд ли на месте среза образовалась бы отмеченная приставом Тимофеевым в протоколе осмотра тела «масса запекшейся крови», из-за которой нельзя было увидеть вынуты внутренние органы или нет. Кроме того, Карабчевский отметил, что от земляного пола высота балки шалаша, к которой якобы было подвешено тело, составляет два с четвертью аршина (170 сантиметров), а труп без шеи и головы – два аршина (142 сантиметра). Подвешивание к балке на веревке за нижние трети голеней привело бы к тому, что виртуальный Матюнин просто уперся бы в землю головой, сделав, таким образом, процедуру собирания крови более чем проблематичной. Невозможность использования для сбора крови емкости с высокими краями неминуемо должна была привести к обширному разбрызгиванию теплой крови (предположительно, голова была отнята вместе с шеей одним круговым разрезом острым ножом) по всему

шалашу и одежде участников жертвоприношения. Однако следы подобного развития событий не были зафиксированы предварительным следствием.

Карабчевский достаточно подробно остановился также на вопросах медицинской экспертизы. Большое внимание было уделено доказательству удаления из трупа сердца и легких в период между первым осмотром трупа и вскрытием.

Заключительная часть речи была посвящена разоблачению и осуждению противозаконных действий органов дознания и следствия: «Как может общество, стремящееся только искоренить и пресечь зло, только защититься от него, создавать по этому же поводу новое свое зло, более опасное уже потому, что оно возведено в систему, что оно захватывает весь общественный строй? Большое горе и несчастье – преступление, но преступные или безнравственные приемы раскрытия его – еще большее горе и несчастье. Это аксиома, которой проникнут весь гуманный дух наших уставов»⁴⁶. В завершение, обращаясь к присяжным заседателям, защитник произнес: «И не во имя только этих несчастных, но и во имя достоинства и чести русского правосудия я прошу у вас для них оправдательного приговора!»⁴⁷

После Карабчевского во второй раз выступил В.Г.Короленко, сделавший упор на гуманистическом аспекте мултанского дела. Присутствовавший на суде журналист А.Н.Баранов писал позднее: «Задумчивым, проникновенным голосом, с глубокой искренностью и сердечностью заговорил он – и сразу же приковал внимание всех. Такова была сила этой речи, что все мы, корреспонденты и даже стенографистки положили свои карандаши, совершенно забыв о записях, боясь пропустить хоть одно слово. От этих проникновенных, захватывающих слов обнажалась и рушилась вся неправда, в которую так возмутительно окутывались измученные, пострадавшие вотяки. От этих слов веяло глубоким негодованием против обнаруженных истязаний, извращения правды, нарушений самой элементарной справедливости, против систематических нарушений правосудия, против дикого, мрачного предрассудка... Все были захвачены, потрясены...»⁴⁸ Искренняя и проникновенная речь Короленко произвела на всех такое впечатление, что даже представитель минюста, прокурор Казанской судебной палаты А.А.Чернявский в своем оправдательном письме в министерство писал позднее, что из всех за-

щитников только Короленко искренне заблуждался относительно невиновности подсудимых.

Прения сторон закончились, присяжные удалились на совещание, длившееся чуть менее часа. Все семеро подсудимых были оправданы.

Заключение

Присяжные отрицательно ответили на вопрос о виновности мултанцев. На вопрос, кто и с какой целью убил Матюнина, они, естественно, дать ответ не могли. Как отметил в своей речи защитник Карабчевский, «для этого нужно было бы начать все предварительное следствие заново»⁴⁹.

Харьковский профессор судебной медицины Ф.А.Патенко, посетивший Старый Мултан в 1896 г., в своей работе «Дело мултанских вотяков» первым высказал мнение (подхваченное и развитое в советский период), что два русских крестьянина, изгнанных за воровство из Аныка и не принятых мултанцами, убили нищего, чтобы отомстить мултанцам и, обвинив их в убийстве, завладеть впоследствии их землями⁵⁰. Об этом якобы один из крестьян на исповеди перед смертью признался священнику. Эта обоснованная многими исследователями гипотеза, к сожалению, основывается лишь на слухах и слухах о слухах, от чего в свое время пострадали сами удмурты. Между тем сегодня многие ученые сделали ее аксиомой и пишут об этом «факте» без малейшего намека на гипотетичность⁵¹. Надругательство над трупом с последующим обвинением благополучных мултанских удмуртов они объясняют стремлением завистливых и агрессивных жителей соседних русских деревень «выселить мултанцев и разделить их земли».

С таким же успехом можно предположить, что убийцы хотели отомстить жителям Чульи или Аныка, так как труп был найден не на мултанской земле, а на стыке чульинской и аныкской, на тропе между этими деревнями, на которую из Старого Мултана не было прямого выхода. Здесь целесообразно привести отрывок из речи защитника Карабчевского: «Когда обнаружили изуродованный труп Матюнина, то

окрестное русское население и в особенности население деревни Анык, на чьей земле нашли труп, стало тотчас же шуметь: «Это дело вотяков!» Вы, быть может, слышали выражение «сухая беда» и знаете, что это такое? Крестьяне, на чьей земле найдется труп, истинные мученики: их наряжают в караулы, зовут понятыми при вскрытии и следствии, таскают по допросам. В доброе старое время при подобной напасти форменно откупались от наезда властей; это собственно и называлось «сухой бедою». Неповинные в крови все же платили деньги и откупались от беды «насухо», чтобы она к ним не пристала. Иногда целым сходом постановлялось тайно вывести труп на чужую землю и этим отвести от себя око начальства»⁵².

Не вызывает сомнений вывод, что кто-то из крестьян Аныка или Чульи надругался над трупом, отрезав голову и вынув сердце и легкие, чтобы инсценировать человеческое жертвоприношение. Возможно, это был единственный способ отвести от своих деревень «сухую беду», свалив вину на язычествующих инородцев. Однако это не означает, что нищий с прямым умыслом был убит аныкцами или чульинцами. У эпилептика Матюнина вполне могла наступить естественная смерть как на тропе, так и в избе, где он заночевал и откуда его труп мог быть подкинут на тропу. Версию о внезапной естественной смерти считал возможной профессор Э.Ф.Беллин, который провел наиболее полное и научно обоснованное судебно-медицинское исследование материалов дела.

Также вполне возможно, что смерть Матюнина была насильственной. Эксперт Верещагин прямо допускал убийство нищего «каким-либо суеверным изувером» во время его припадочных судорог на дороге, так как у русских крестьян существовало поверье, что если отсечь во время припадка голову, то эпидемия прекратится. Хотя эта информация тоже основана на слухах, нелишне заметить, что в тот год в Аныке и Чулье свирепствовала эпидемия тифа⁵³.

Вопросов по-прежнему больше, чем ответов: каковы были причины смерти Матюнина; если он был убит, то кем, как, когда и с какой целью; совпадало ли место происхождения с местом преступления; когда и где был обезглавлен труп; куда дели голову несчастного нищего и т.д., и т.п. Однако загадочность Мултанского дела в большей степени заключается в том, как полисемантичны и противоречивы его трактовки.

Всесторонний анализ многочисленных обстоятельств показывает, что Мултанское дело нельзя однозначно рассматривать ни как простое следствие русификаторской политики самодержавия, ни как противостояние христиан-русских и язычников-удмуртов, ни как примитивно сфальсифицированное следователями-карьеристами обычное уголовное дело, раздувшееся впоследствии до вселенских размеров. У Мултанского дела нет и, скорее всего, не может быть однозначной трактовки, потому что оно как своеобразный цивилизационный индикатор отразило сложность национальных, религиозных, социально-политических и иных противоречий, раздиравших Российскую империю в конце XIX – начале XX вв.

С правовой точки зрения Мултанское дело можно рассматривать в качестве ключевого момента вхождения инородцев в единое правовое поле Российского государства. Правовое пространство еще не было окончательно сформировано, оно создавалось на протяжении нескольких веков, и реформы второй половины XIX в. ускорили этот процесс. Многие народы Урала и Сибири с 1822 по 1901 гг. управлялись на основе устава об управлении инородцев инородными управами, что позволяло им иметь традиционные органы самоуправления, сохранять многовековой хозяйственно-культурный и бытовой уклад, в том числе и институт обычного права.

Мултанское дело показало, что на рубеже XIX-XX вв. специфика своеобразного феномена российских инородцев практически полностью переместилась из социально-политической и экономической в этнокультурную сферу. Многонациональное население огромной страны приводилось к своеобразному общему «правовому знаменателю», и в гражданско-правовом отношении по сравнению с русским населением инородцы уже не были людьми «второго сорта», хотя местные полицейские и судебные власти еще долго не могли к этому привыкнуть. Мултанское дело, превратившееся в конечном итоге в подобие суда на целом народом, можно оценить как яркую и громкую победу российского права и науки над полицейско-судебным произволом и предрассудками, что не позволило подлить шовинистического масла в тлеющий костер непростых межнациональных отношений в России.

Примечания

¹ Проходивший в 1911-1913 гг. в Киеве судебный процесс по сфабрикованному обвинению еврея М.Бейлиса в убийстве русского мальчика – последний и самый громкий из так называемых кровавых наветов по обвинению евреев в ритуальном употреблении крови христианских детей. Многочисленные нарушения и фальсификации следствия и экспертизы были преданы широкой огласке и вызвали бурный протест российской и зарубежной общественности. Судом присяжных Бейлис был оправдан.

² Короленко В.Г. Бейлис и мултанцы. Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 9. С. 312-314; Латышев Н.Н. Два «знаменитых» дела в царской России: Мултанский процесс и дело Бейлиса // Записки Удмуртского НИИ истории, языка и литературы. Ижевск, 1941. Сб. 9. С. 78-86; Винберг А.И. Черное досье экспертов-фальсификаторов. М., 1990. С. 58-101 и др.

³ См.: Мултанское дело. Библиографический указатель. Ижевск: Национальная библиотека Удмуртской Республики, 1997.

⁴ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 7.

⁵ Баранов А.Н., Короленко В.Г., Суходоев В.И. Дело мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам. М., 1996; Беллин Э.Ф. Судебно-медицинская экспертиза в деле мултанских вотяков, обвиняемых в принесении человеческой жертвы языческим богам. Харьков, 1896; Блинов Н. Языческий культ вотяков. Вятка, 1898; Богаевский П.М. Мултанское моление вотяков в свете этнографических данных. М., 1896; Патенко Ф.А. Дело мултанских вотяков. Харьков, 1897.

⁶ См. напр.: Civil Rights in imperial Russia / Ed. Olga Crisp and Linda Edmondson. Oxford, 1989; Hugh Seton-Watson. The decline of imperial Russia, 1855-1914. New-York; Washington, 1965; Hugh Seton-Watson. The Russian Empire, 1801-1917. Oxford, 1989 и др.

⁷ См. напр.: Werth Paul W. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama region, 1827-1905. Ithaca; London, 2001.

⁸ Geraci Robert P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca; London, 2001. P. 222.

⁹ Каппелер Андреас. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. С.Червонная. М., 2000. С. 195.

¹⁰ См. напр.: Мултанское дело: история и современный взгляд: Мат-лы научно-политической конференции. Ижевск: УИИЯЛ, 2000.

¹¹ Шумилов Е.Ф. «Дело» было под Мултаном // Известия Удмуртской Республики. 1992. № 52,62; Он же. Тихая красота язычества // Известия Удмуртской Республики. 1992. № 117.

¹² См. напр.: Кисарев В. Безымянный погост // Городской стиль. Ижевск, 1996. № 8; Он же. Возрождение рагани? // Там же. № 10.

¹³ Ванюшев В.М. Вокруг Мултана: тень на плетень // Известия Удмуртской Республики. 1992. № 118, 121,124, 127, 130, 132-133; Он же. Кин шоры «ыбылэ» Мултан уж (В кого стреляет мултанское дело): Документальный очерк на удм. яз. Ижевск, 1994; Куликов К.И. Кому выгодна ксенофобия. Ижевск: УИИЯЛ, 1997.

¹⁴ Верещагин Г.Е. О былом каннибализме у инородцев. Собр. соч.: В 6 т. Ижевск: УИИЯЛ, 1998. Т. 3. Кн.1. С. 185-190; Он же. Человеческие жертвоприношения у вотяков. Там же. С. 240-250.

¹⁵ См. напр.: Шкляев Г.К. Межэтнические отношения в Удмуртии. Опыт историко-психологического анализа. Ижевск, 1998.

¹⁶ Беллин Э.Ф. Судебно-медицинская экспертиза в деле мултанских вотяков, обвиняемых в принесении человеческой жертвы языческим богам. Харьков, 1896.

¹⁷ Род верхней одежды у инородцев Поволжья (наподобие русского зипуна).

¹⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов уголовных. Ч. 1. СПб., 1885. С. 294: «Ст.1454. Виновный в убийстве с обдуманном заранее намерением или умыслом, без тех особенных увеличивающих вину его обстоятельств... подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на время от пятнадцати до двадцати лет...»

¹⁹ Газета «Казанский телеграф». 1895. № 595.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. №№ 591, 592, 593, 595.

²² Устав Уголовного Судопроизводства. Судебные уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. СПб, 1898. С. 569: «Ст. 630. Прокурор или частный обвинитель, с одной стороны, а подсудимый или его защитник, с другой, пользуются в судебном заседании одинаковыми правами. Как той, так и другой стороне предоставляется:

- 1) представлять в подтверждение своих показаний доказательства;
- 2) отводить по законным причинам свидетелей и сведущих людей, предлагать им с разрешения Председателя Суда вопросы, возражать против свидетельских показаний и просить, чтобы свидетели были передопрошены в присутствии или в отсутствии друг друга;
- 3) делать замечания и давать объяснения по каждому действию, происходящему на суде, и
- 4) опровергать доводы и соображения противной стороны».

²³ Устав Уголовного Судопроизводства... С. 671: «Ст. 718. Допрос начинается предложением свидетелю рассказать все, что ему известно по делу, не примешивая обстоятельств посторонних и не повторяя слухов, неизвестно от кого исходящих».

²⁴ Смирнов И.Н. Вотяки // ИОАИЭ. Казань, 1890. Т. 8. Вып. 2.

²⁵ Устав Уголовного Судопроизводства... С. 746: «Ст. 774. При определении наказания на основании законов Суду предоставляется право по обстоятельствам, уменьшающим вину подсудимого, смягчить наказание одною или двумя степенями, переходя при том и к ближайшему низшему роду наказаний, если в высшем по Уложению о Наказаниях нет степени ниже назначенной в законе за преступное деяние подсудимого...»; С. 805: «Ст. 828. Если решением Присяжных Заседателей подсудимый признан заслуживающим снисхождения, то следующее ему по закону наказание должно быть уменьшено не менее как на одну степень, но может быть уменьшено и двумя степенями, если Суд усмотрит в деле особые обстоятельства, уменьшающие вину подсудимого; более значительное облегчение его участи может последовать лишь по ходатайству Суда пред Императорским Величеством...»

²⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов уголовных. Ч. 1. СПб., 1885. С. 4: «Ст. 19. Каторжные работы определяются по роду преступления и мере вины в следующей постепенности:

Степень 1. Каторжные работы без срока.

Степень 2. Каторжные работы на время от пятнадцати до двадцати лет.

Степень 3. Каторжные работы на время от двенадцати до пятнадцати лет.

Степень 4. Каторжные работы на время от десяти до двенадцати лет.

Степень 5. Каторжные работы на время от восьми до десяти лет.

Степень 6. Каторжные работы на время от шести до восьми лет.

Степень 7. Каторжные работы на время от четырех до шести лет».

²⁷ Там же. С. 15: «Ст. 74. Для престарелых, достигших семидесяти лет, каторжная работа заменяется ссылкой на поселение в отдаленнейших местах Сибири».

²⁸ Там же. С. 5: «Ст. 25. Последствия осуждения в каторжные работы суть: потеря прежних прав семейственных и прав собственности, а по прекращении сих работ, за истечением срока или же по другим причинам, поселение в Сибири навсегда».

²⁹ Там же. «Ст. 26. Последствие осуждения в ссылку на поселение есть также потеря прежних прав семейственных и прав собственности».

³⁰ Манифест от 14 ноября 1894 г. «О Всемиловитейше дарованных милостях и облегчениях по случаю бракосочетания Его Императорского Величества, Государя Императора Николая Александровича» // ПСЗ Российской Империи. 3-е изд. Т. XIV. 1894. СПб, 1898. С. 640-641: «12) Осужденным к каторжным работам, которые добрым поведением и прилежанием к труду окажутся достойными снисхождения, уменьшить назначенные судом сроки каторги на одну треть, бессрочную же каторгу заменить срочною на двадцать лет. Милость эта распространяется также на лиц, которые будут приговорены к ссылке в каторгу за преступления, учиненные до сего дня... 14) Применение льгот, изъясненных выше в пунктах 11, 12 и 13 настоящей статьи IV, предоставляем по принадлежности Министру Внутренних Дел и Генерал-Губернаторам Иркутскому и Приамурскому по удостоверении в добром поведении осужденных».

³¹ Юридическая газета. 1895. № 101.

³² Кони А.Ф. Кассационное заключение о Мултанском жертвоприношении. Избр. произв.: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 613- 614.

³³ Устав Уголовного Судопроизводства... С. 877: «Ст. 929. Если дело передано в суд, приговор коего отменен, то оно решается тем же судом в другом составе Присутствия».

³⁴ Там же. С. 513: «Ст. 577. По истечении сроков, установленных на предъявление требований относительно вызова свидетелей, они могут быть вызываемы только по вновь открывающимся обстоятельствам, но и затем никакой свидетель, вызванный по требованию одной стороны или ею представленный, не может быть допущен к допросу в судебном заседании без согласия на то противной стороны, если ей не было заявлено о том по крайней мере за день до сего допроса».

³⁵ Там же. С. 682: «Ст. 734. По новому доказательству, представленному которою либо стороною, Суд обязан дать противной стороне возможность приготовиться к состязанию. В сем случае от Суда зависит на основании статьи 634 отложить окончание судебного следствия»; С. 574-575: «Ст. 634. Если Суд признает необходимым приостановить судебное заседание для собрания дополнительных сведений, то по получении их

заседание продолжается с того действия, на котором оно остановилось. Но как Судьи, так и Присяжные Заседатели могут потребовать возобновления некоторых действий или производства судебного следствия с самого начала».

³⁶ Там же. С. 502-503: «Ст. 573. Прокурору не может быть отказано в вызове свидетелей, указанных им в обвинительном акте или в особом требовании, предъявленном Председателю Суда во время приговорительных к суду распоряжений».

³⁷ Подробнее см.: Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1886 год. Любое издание.

³⁸ Устав Уголовного Судопроизводства... С. 348-353: «Ст. 250. О всяком происшествии, заключающем в себе признаки преступления или проступка, полиция немедленно и никак не позже суток по получении о том сведения сообщает Судебному Следователю и Прокурору или его Товарищу... Ст. 252. Когда ни Судебного Следователя, ни Прокурора или его Товарища нет на месте, то полиция, сообщая им о происшествии, заключающем в себе признаки преступного деяния, вместе с тем производит надлежащее о нем дознание; Ст. 253. Когда признаки преступления или проступка сомнительны или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве) или вообще из источника не вполне достоверного, то во всяком случае прежде сообщения о том по принадлежности она должна удостовериться чрез дознание: действительно ли происшествие то случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка. Произведенное дознание, не подлежащее передаче Судебному Следователю или Мировому Судье по принадлежности (ст. 251 и 255), полиция представляет Прокурору или его Товарищу, который или прекращает оное, или распоряжается о его дополнении. Если же при рассмотрении представленного дознания Прокурором или его Товарищем будут усмотрены в происшествии признаки преступления или проступка, то он передает таковое дознание Судебному Следователю или поручает полиции возбудить преследование виновного пред Мировым Судьею; Ст. 254. При производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах; Ст. 255. Произведенное дознание полиция передает Судебному Следователю, которому впоследствии сообщает и все дополнительные сведения, собранные ею по тому же предмету. Передавая дознание Следователю, полиция доносит о том Прокурору или его Товарищу; Ст. 256. До прибытия Судебного Следователя полиция принимает меры, необходимые для того, чтобы предупредить уничтожение следов преступления и пресечь подозреваемому способы уклониться от следствия; Ст. 257. Полиция принимает меры к пресечению подозреваемому способов уклониться от следствия в следующих случаях: 1) когда подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения; 2) когда потерпевшие от преступления или очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо; 3) когда на подозреваемом или в его жилище найдены будут явные следы преступления; 4) когда вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались при нем; 5) когда он сделал покушение на побег или пойман во время или после побега и 6) когда подозреваемый не имеет постоянного жительства или оседлости; Ст. 258. В тех случаях, когда полицией застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место

происшествия Судебного Следователя следы преступления могли бы изгладиться, полиция заменяет Судебного Следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках; но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя».

³⁹ Там же. С. 544: «Ст. 612. Председатель Суда должен предоставлять каждому подсудимому всевозможные средства к оправданию»; С. 675: «Ст. 722. Свидетель не может отказаться от дачи ответов на вопросы, клонящиеся к обнаружению противоречия в его показаниях или несообразности их с известными обстоятельствами, или же с показаниями других свидетелей, но он не обязан отвечать на вопросы, уличающие его самого в каком бы то ни было преступлении».

⁴⁰ Учреждения судебных постановлений // ПСЗ Российской Империи. 3-е изд. В 2 кн. Кн. 2. Т. XVI. Ч. 1. СПб, 1911. С. 3903: «Ст. 265. Право делать предостережение или замечание какому-либо судебному месту в целом его составе или в составе присутствия принадлежит исключительно Кассационным Департаментам Правительствующего Сената».

⁴¹ Устав Уголовного Судопроизводства... С. 515: «Ст. 578. Стороны могут просить о вызове в Суд не только свидетелей, но и сведующих людей для объяснения какого-либо предмета или для поверки сделанного уже испытания...»

⁴² Там же. С. 490-491: «Ст. 557. При выдаче означенных в предшедшей статье документов подсудимому объявляется, что он в семидневный срок обязан довести до сведения Суда: избрал ли кого-либо себе защитником и не желает ли, чтобы какие-либо другие лица, сверх указанных в предъявленном ему списке, были допрошены в качестве свидетелей и по каким именно обстоятельствам»; С. 510-511: «Ст. 576. Если участвующее в деле лицо в течение недели от объявления ему об отказе в вызове указанных им свидетелей заявит, что оно принимает вызов их на свой счет, то делается немедленно распоряжение о вызове сих свидетелей на счет просителя или предоставляется ему пригласить их в Суд от себя по добровольному с ними соглашению».

⁴³ Подробнее см.: Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената № 95 за 1877 г., № 51 за 1874 г., № 695 за 1873 г., № 19 за 1875 г. Любое издание.

⁴⁴ Русские ведомости. 1895. № 288.

⁴⁵ Короленко В.Г. Избранные письма о Мултанском деле. Ижевск, 1939. Т. 2. С. 59.

⁴⁶ Карабчевский Н.П. Дело мултанских вотяков // Речи. 1882-1902. СПб, 1902. С. 391.

⁴⁷ Там же. С. 398.

⁴⁸ Баранов А.Н. Из воспоминаний о Мултанском деле // В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. М.; Л., 1962. С. 273-274.

⁴⁹ Карабчевский Н.П. Дело мултанских вотяков... С. 343.

⁵⁰ Патенко Ф.А. Дело мултанских вотяков. Харьков, 1897. С. 38-39; Худяков М.Г. Политическое значение Мултанского дела // Советская этнография. 1932. № 1. С. 53.

⁵¹ Ванюшев В.М. Мултанское дело: история и современный взгляд / Мат-лы научно-практ. конф. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. С. 9; Ванюшев В.М. Кин шоры «ыбылэ» Мултан уж. Ижевск, 1994. С. 5; Шкляев Г.К. Межэтнические отношения в Удмуртии в конце 19 века и их психологическая обусловленность // Мултанское дело: история и современный взгляд. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. С. 28-29; Шумилов Е.Ф. «Дело» было под Мултаном // Известия Удмуртской Республики. 1992. № 52.

⁵² Карабчевский Н.П. Дело мултанских вотяков... С. 374.

⁵³ Там же. С. 344.